

**КНИЖНЫЙ КЛУБ
ФАНТАСТИКА**

#1-2012

**Аарон Дебски-Боуден
ЛОВЕЦ ДУШ**

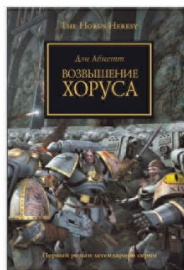
**Митчел Сканлон
ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ**

**Бен Каунтер
МОЛОТ ДЕМОНОВ**

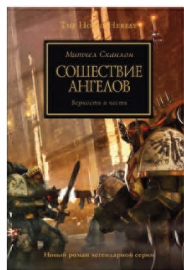
**Натан Лонг
ПРОКЛЯТИЕ ВАЛЬНИРА**

**Чери Прист
КОСТОТРЯС**

www.fanlit.ru

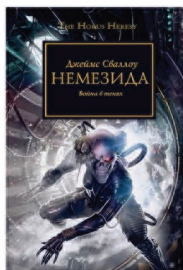
код 3145 **350 руб.**

код 3146 **200 руб.**

код 3433 **350 руб.**

код 3697 **350 руб.**

код 3571 **350 руб.**

код 3122 **200 руб.**

код 3120 **250 руб.**

код 4016 **300 руб.**

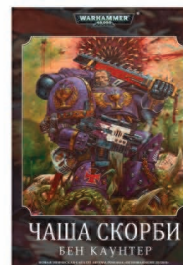
код 3696 **300 руб.**

код 3995 **300 руб.**

код 3434 **350 руб.**

код 3121 **200 руб.**

код 3358 **490 руб.**

код 3890 **300 руб.**

код 3872 **350 руб.**

код 3932 **300 руб.**

Добро пожаловать в Книжный клуб “Фантастика”!

**На страницах нашего издания вы сможете
ознакомиться с отрывками книг, которые Вы увидите
на полках магазинов в июле-августе 2012 года.**

**Кроме этого Вы сможете с помощью бланка заказа
или через наш интернет-магазин**

www.fanlit.ru

**приобрести понравившиеся издания по
издательской цене!**

Содержание:

Аарон Дембски-Боуден “Ловец душ”

Митчел Сканлон “Пятнадцать часов”

Бен Каунтер “Молот демонов”

Натан Лонг “Проклятие Вальнира”

Чери Прист “Костотряс”

**The Black Library, the Black Library logo, BL Publishing,
Games Workshop, the Games Workshop logo and all associated marks,
names, characters, illustrations and images from the Warhammer 40,000 uni-
verse are either ®, TM and/or © Games Workshop Ltd., 2000–2012, variably
registered in the UK and other countries around the world.**

Used under license to Fantastika Book Club Publishers.

All rights reserved.

www.blacklibrary.com

ААРОН ДЕМЬСКИ-БОУДЕН

ЛОВЕЦ ДУШ

ПОВЕЛИТЕЛИ НОЧИ

Бойтесь этих космодесантников!

Преданные, отвергнутые светом Императора и преследуемые как еретики, они — мятежники сорок первого тысячелетия. Облаченные в символы смерти, Повелители Ночи остаются безжалостными охотниками и убийцами. Они никогда не раскаются в богохульстве, ставшем причиной их изгнания, и никогда не простят жертвы, принесенной их примархом. Они ведут свою войну с Империем, скользя во тьме между мирами.

Пролог СЫН БОГА

Быть сыном божества — проклятие. Видеть то, что видел бог, знать то, что он знал. Эти видения, это знание раз за разом разрывали его душу на части.

Его жилищем была келья, лишённая всяких удобств и годная лишь на то, чтобы оградить от внешнего вмешательства. Запертый в этом ненавистном святилище, сын бога кричал безответным стенам о тайнах грядущего. Решетка динамика древнего боевого шлема придавала его сдавленным воплям металлический, безжизненный оттенок.

Иногда мускулы его сводила судорога. Могучие пласти мышц и сухожилий сжимались вокруг твердых, как железо, костей, заставляя сына бога содрогаться и с хрипом втягивать воздух. Он не способен был контролировать собственное тело. Эти приступы могли продолжаться часами, и тогда каждый удар двух сердец мучительно обжигал нервы, проталкивая кровь сквозь сведенные судорогой мускулы. В те минуты, когда проклятый парализовывался и резервное сердце замедлялось и останавливалось, он приглушал боль, колотясь головой о стены темницы. Новая мука отвлекала его от видений, горевших по ту сторону зрачков.

Иногда это помогало, но ненадолго. Вернувшиеся видения оттесняли слабую боль, вновь омывая огнем его разум.

Сын бога, все еще облаченный в боевую броню, бился головой о стену, раз за разом вгоняя череп в сталь. Но, учитывая покрывавший голову керамитовый шлем и модифицированные кости скелета, его усилия причиняли больше вреда стене, чем ему самому.

Подвластный тому же проклятию, что привело его генетического отца к смерти, сын бога не видел окружающих стен. Он не замечал и потока данных, пробегаящих по сетчатке, когда дисплей боевого шлема отслеживал и выцеливал углы кельи, петли запертой двери и прочие незначительные детали обстановки. В левой верхней части дисплея проматывались графики жизненных показателей. Там периодически вспыхивали предупреждающие сигналы: то два его сердца начинали биться слишком часто даже для нечеловеческой физиологии хозяина, то дыхание прерывалось на целые минуты, пока тело сковывал припадок.

Такую цену он платил за сходство с отцом. На такое существование обречен живой наследник бога.

Раб стоял у двери и прислушивался, считая минуты.

Крики хозяина, доносившиеся из-за темного закаленного металла, наконец-то утихли — по крайней мере на время. Раб был человеком, и чувства его оставались по-человечески ограниченными, однако, прижав ухо к двери, он смог различить дыхание господина. Отрывистый, резкий, свистящий звук, превращенный вокс-динамиками шлема в металлическое рычание.

Но, даже думая о другом, раб продолжал отсчитывать секунды, складывавшиеся в минуты. Это было легко: его приучили делать это инстинктивно, поскольку в варпе не работал как следует ни один хронометр.

Раба звали Септимусом, потому что он был седьмым. Шесть рабов до него сменились на службе у господина, и ни один из этих шести не числился больше в экипаже корабля «Завет крови».

Сейчас коридоры ударного крейсера Астартес почти пустовали. Безмолвное кружево черной стали и темного

металла, сосуды огромного корабля, некогда кипевшие жизнью: по ним сенили сервиторы, спешившие по простым поручениям, и переходили из отсека в отсек Астартес. Здесь же сновали смертные члены команды, исполняя бесчисленные обязанности, без которых корабль не мог оставаться в строю. В дни до великого предательства тысячи душ именовали «Завет» домом — включая почти три сотни бессмертных Астартес.

Время изменило это. Время и войны, которые оно принесло с собой.

Коридоры были не освещены, но не обесточены. В ударном крейсере обосновалась умышленная чернота — тьма настолько глубокая, что она въелась в стальные кости судна. Темнота совершенно естественна для Повелителей Ночи, ибо все они родились в одном лишенном солнца мире. Для немногих членов команды, обитавших в «Завете», тьма поначалу была нежеланным спутником. Большинство раньше или позже привыкло. Они все еще нуждались в факелах и оптических усилителях, поскольку оставались людьми и не могли пронзть взглядом искусственную ночь, как их повелители. Но со временем они научились обретать во мраке спокойствие.

А затем привычка превратилась в крепкую связь. Те, чей разум не смирился с чернотой, впали в безумие. Им пришлось заплатить жизнью за неудачу. Остальные покорились и приспособились к невидимому окружению.

Септимус понимал больше, чем другие. Все механизмы обладали душой. Он знал это еще с тех пор, когда был предан Золотому Трону. Иногда раб заговаривал с пустотой, понимая, что тьма обладает собственной волей, выражением разума самого корабля. Двигаться сквозь чернильную темноту, наводнившую судно, значило обитать внутри души ударного крейсера Астартес, вдыхать ощутимую ауру вероломной злобы «Завета».

Тьма не отвечала рабу, но присутствие корабля вокруг успокаивало. Ребенком Септимус всегда боялся темноты. Этот страх так никогда по-настоящему и не прошел, и сохранять рассудок среди бесконечной ночи позволяла

лишь уверенность, что черные, безмолвные коридоры не враждебны.

А еще он страдал от одиночества. Ему было трудно признаться в этом даже себе самому. Куда проще сидеть в темноте и беседовать с кораблем — пусть и не рассчитывая дожидаться ответа. Иногда Септимус чувствовал себя бесконечно далеким от других рабов и слуг на борту судна. Большинство из них трудилось на Повелителей Ночи гораздо дольше, чем Септимус. От них его бросало в дрожь. Многие передвигались по кораблю с закрытыми глазами, ориентируясь в ледяных переходах по памяти, на ощупь и с помощью других чувств, о которых Септимус предпочитал не знать.

Однажды, во время недель затишья, предшествовавших очередной битве в очередном безвестном мире, Септимус спросил, что стало с шестью прежними рабами. Хозяин пребывал в уединении, вдали от боевых братьев, и возносил молитвы духам своего оружия и доспехов. Услышав вопрос, он устремил на Септимуса пристальный взгляд черных, как пустота между звездами, глаз.

А еще он улыбнулся. Хозяин редко улыбался. Голубые вены, проступающие под бледной кожей Астартес, выгнулись, подобно чуть заметным трещинкам в чистом мраморе.

— Примус...

Господин говорил мягко — как и всегда, когда на нем не было боевого шлема, — и все же в голосе его звучали глубокие, низкие обертоны.

— ...был убит очень, очень давно. В сражении.

— Вы пытались спасти его, господин?

— Нет. Я не знал о его смерти. Когда это произошло, меня не было на борту «Завета».

Раб хотел спросить, попытался бы господин спасти Примуса, будь у него такая возможность, — но, по правде сказать, опасался, что уже знает ответ.

— Понимаю. — Слуга облизнул пересохшие губы. — А остальные?

— Тертиус... изменился. Варп изменил его. Я избавился от Тертиуса, когда он перестал быть собой.

Это удивило Септимуса. Хозяин говорил ему прежде о важности слуг, которые могли противостоять безумию варпа и оставаться незатронутыми скверной Губительных Сил.

— Он пал от вашей руки? — спросил Септимус.

— Да. Я проявил милосердие.

— Понятно. А что произошло с другими?

— Они состарились. И умерли. Все, кроме Секундуса и Квинтуса.

— Что стало с ними?

— Квинтуса зарубил Вознесенный.

У Септимуса кровь похолодела в жилах от этих слов. Он ненавидел Вознесенного.

— Почему? В чем была его вина?

— Квинтус не нарушил никаких законов. Вознесенный убил его во время минутной вспышки ярости. Выместил злобу на ближайшем живом существе. К несчастью для Квинтуса, ближайшим живым существом оказался он.

— А что случилось с Секундусом?

— О судьбе второго мы поговорим в другой раз. Что заставляет тебя расспрашивать о прежних слугах?

Септимус набрал в грудь воздуха, чтобы сказать правду, чтобы исповедаться в своих страхах и признаться в том, как он разговаривает с корабельным мраком, лишь бы отгородиться от одиночества. Однако судьба Тертиуса крепко засела у него в мозгу. Смерть по вине безумия. Смерть из-за скверны.

— Любопытство, — ответил раб хозяину, солгав в первый и последний раз за все время службы.

Звук тяжелых шагов вернул Септимуса к настоящему. Он отошел от хозяйской двери и перевел дыхание, вглядываясь во мрак коридора, откуда раздались шаги. Вглядываясь, но не видя.

Впрочем, Септимус знал, кто приближается. Они-то его видели. Они увидели бы его, даже спрячься он где-нибудь

поблизости, так что бежать нет смысла. Они почували бы его запах и заметили тепловую ауру его тела. Раб остался на месте, мечтая лишь о том, чтобы сердце перестало колотиться так отчаянно. Они услышат и этот звук. Они посмеются над его страхом.

Септимус нажал на переключатель маломощного фонаря. Тусклое желтое свечение угасло, и коридор вновь погрузился в абсолютную темноту. Слуга сделал это из почтения к приближающимся Астартес, а еще потому, что не хотел видеть их лиц. Порой мрак облегчал общение с полубогами.

Собравшись, Септимус закрыл ставшие бесполезными глаза и сфокусировался на слухе и обонянии. Тяжелая поступь, но на идущем нет доспехов. Шаги слишком широкие для смертного. Шелест ткани: плащ или туника. И, отчетливей всего, аромат крови: терпкий, металлический и густой, настолько сильный, что щекотал язык. Это был запах самого корабля, только сконцентрированный, очищенный и усиленный.

Еще один полубог.

Один из родичей хозяина пришел навестить брата.

— Септимус, — раздалось из темноты.

Раб судорожно сглотнул, не доверяя своему голосу, но зная, что должен ответить.

— Да, господин. Это я.

Шорох одежды. Прикосновение чего-то мягкого к металлу. Неужели полубог гладит дверь, ведущую в покои хозяина?

— Септимус, — повторил второй полубог.

Его голос был не по-человечески низким, слова срывались на рык.

— Как там мой брат?

— Он еще не выходил, господин.

— Я знаю. Я слышу его дыхание. Ровнее, чем раньше... — Голос полубога звучал задумчиво. — Я не спрашивал у тебя, выходил он или нет, Септимус. Я спросил, как он.

— Этот припадок длинней, чем обычно, но хозяин замолчал почти час назад. Я считал минуты. Самый долгий спокойный период с того момента, как болезнь им овладела.

Полубог хмыкнул. С таким звуком сталкиваются две грозовые тучи. На секунду Септимуса пронзила тоска по прошлому: он не видел грозы — и даже не выходил под открытое небо — уже долгие годы.

— Поосторожней с выражениями, вассал, — сказал полубог. — Слово «болезнь» подразумевает проклятие. А мой брат и твой господин благословен. Он видит глазами бога.

— Прости меня, величайший.

Септимус уже стоял на коленях, низко склонив голову. Он знал, что полубог ясно видит в кромешном мраке его смиренную позу.

— Я лишь повторяю те слова, которые использует мой господин.

Последовала длинная пауза.

— Септимус, встань. Ты напуган, и это мешает тебе мыслить здраво. Я не причиню тебе вреда. Разве ты меня не узнаешь?

— Нет, повелитель.

Это было правдой. Раб не умел различать голоса полубогов. В каждом ему слышалось низкое тигриное рычание. И лишь голос его господина звучал по-другому: львиный рык сглаживала мягкость. Септимус понимал, что дело скорее в многолетней привычке, чем в настоящем отличии, и по-прежнему терялся, пытаясь распознать других.

— Но я попробую угадать, если такова ваша воля.

Полубог изменил позу. Раздался шорох ткани.

— Сделай одолжение.

— Думаю, вы лорд Кирион.

Снова минутное молчание.

— Как ты догадался, вассал?

— Потому что вы засмеялись, господин.

Ответа Септимус так и не услышал, но, даже несмотря на темноту, он мог бы поклясться — полубог улыбается.

— Скажи мне, — в конце концов произнес Астартес, — приходили ли сегодня другие?

Раб сглотнул.

— Лорд Узас был здесь три часа назад, лорд Кирион.

— Полагаю, удовольствия это тебе не доставило.

— Да, господин.

— И что же мой возлюбленный брат Узас здесь делал?

В тоне Кириона проскользнула несомненная нотка сарказма.

— Он прислушивался к словам моего господина, но сам не произнес ни звука.

Септимус вспомнил ледяной комок, подкативший к горлу, когда он остался в темном коридоре наедине с Узасом, слушая хрипкое дыхание полубога и гудение его активированной боевой брони.

— На нем были боевые доспехи, милорд. Не знаю почему.

— Это не секрет, — ответил Кирион, — твой хозяин тоже все еще облачен в броню. Последний «припадок» случился с ним во время сражения, и мы не рискнули снять с него доспехи, чтобы не спугнуть видения.

— Я не понимаю, господин.

— В самом деле? Подумай, Септимус. Сейчас ты можешь слышать выкрики моего брата, но их заглушают динамики шлема и металлические стены кельи. Однако если кому-нибудь захотелось бы отчетливо услышать, о чем он кричит... Он выкрикивает пророчества прямо в вокс-сеть. Каждый, кто надел доспехи, может слышать его на наших коммуникационных частотах.

От этих слов Септимуса пробрало холодом. Он представил, как все полубоги на борту корабля часами слушают мучительные крики его господина. По коже раба побежали мурашки, словно его погладила сама тьма. Неприятное чувство, но какое именно — ревность, бессилие? Септимус не мог сказать наверняка.

— О чем он говорит, милорд? Что видится моему господину?

Кирион снова прижал ладонь к двери. На сей раз из его голоса исчез всякий намек на веселость.

— Ему видится то же, что виделось нашему примарху, — тихо ответил Астартес. — Сражения и жертвы. Бесконечная война.

Кирион был не совсем прав.

Он говорил так уверенно, потому что слишком часто имел дело с видениями брата. Однако на сей раз в пророчествах заклеименного воина проступила новая грань. Это обнаружилось девять часов спустя, когда дверь наконец отворилась.

Облаченный в доспехи полубог, шатаясь, вывалился в коридор и прислонился к противоположной стене. Его мышцы огненными канатами стянули оплавленные кости, но боль — не самое худшее. Он умел справляться с ней и делал это уже множество раз. Страшнее была слабость. Уязвимость. Эти ощущения пугали его своей непривычностью, заставляя обнажить зубы в зверином оскале.

Движение. Сын бога уловил движение слева от себя. Все еще ослепленный жестокой головной болью, сопровождавшей припадки, он повернул голову к источнику движения. Способность чутя добычу, усиленная, как и все его чувства, зарегистрировала привычные запахи: дымный оттенок приторно-сладких курений, мускусную вонь пота и металлический привкус спрятанного оружия.

— Септимус, — проговорил сын бога.

Звук его собственного голоса показался чужим, сорванным и хриплым, несмотря на динамики шлема.

— Я здесь, хозяин.

Облегчение раба сменилось новой тревогой, когда он увидел, насколько ослаб его господин. Это было в новинку для них обоих.

— Вас не было с нами ровно девяносто один час и семнадцать минут, — сказал раб, информируя своего повелителя, как и всегда после припадков.

— Долго, — констатировал полубог, выпрямляясь в полный рост.

Септимус наблюдал, как его господин расправляет плечи, и не забыл отвести в сторону тусклый луч фонаря. На пол упало бледное пятно света. Достаточно, чтобы видеть, но коридор вокруг вновь погрузился в успокоительный мрак.

— Да, повелитель. Очень долго. Припадки становятся все длиннее.

— Так и есть. Кто приходил ко мне последним?

— Лорд Кирион, семь часов назад. Я подумал, что вы умираете.

— Какое-то время я и сам так думал.

Раздалось змеиное шипение декомпрессированного воздуха — это полубог снял свой шлем. В полумраке Септимус едва мог разглядеть тонкие черты хозяина и глаза, черные, как два смоляных озера.

— Что явилось вам в видениях? — спросил раб.

— Темные предзнаменования и мертвая планета. Отправляйся в мою оружейную и займись приготовлениями. Я должен поговорить с Вознесенным.

— Приготовления? — Септимус заколебался. — Новая война?

— Всегда есть новая война. Но сначала мы должны кое с кем встретиться. С тем, кто необходим для нашего выживания. Мы отправляемся в путешествие.

— Куда, милорд?

На губах полубога появилась редкая улыбка.

— Домой.

WARHAMMER
40,000

WARHAMMER
40,000

ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ

Митчел Сканлон

На полях сражений далекого будущего не ведал страха только безумец. Арвин Ларн безумцем не был. Семнадцати лет от роду он был призван в ряды Имперской Гвардии и тут же очутился в пекле первой войны. Несметные орды орков захватили мир, который пытается у них отбить Имперская Гвардия. Рожденные для битвы, орки не ведают страха, и потому неудивительно, что средняя продолжительность жизни имперского гвардейца, прибывшего на этот забытый богом мир, не превышала пятнадцать часов...

Limited Edition

Только 2000 экземпляров на русском.

Эксклюзивное издание можно приобрести в фирменном интернет магазине издательства

www.fanlit.ru

Небо было черно от туч, и он понял, что умирает.

В ужасе осознав, что, оставшись на нейтральной полосе совсем один, он не только не в силах подняться, но даже не может пошевелить ногами, гвардеец беспомощно откинулся назад и тотчас почувствовал спиной холод промерзшей земли. Тело его окутывала мгла, а глаза напряженно всматривались в ночное небо, словно там, в вышине, в слабом мерцании далеких звезд, он пытался разглядеть предвестие своей злосчастной судьбы. Этой ночью звезды решали его участь, и похоже, от грозных, обложенных облаками небес в эту ночь нечего было ждать снисхождения.

«Как долго еще я смогу продержаться? – думал он все время. – Сколько часов?»

Так и не найдя ответа на свой вопрос, он, решив оглядеться, повернул голову в надежде увидеть хоть какой-то намек на возможное спасение – но нет, в окружающей его мгле не ощущалось никакого движения, не было ровно ничего, что могло бы вселить надежду. В мертвой тишине протянулись бледные контуры нейтральной полосы. В этом пейзаже невозможно было выделить никаких характерных особен-

ностей, поскольку его автор – художник-ночь – настолько испещрил зловещими черными тенями свое полотно, что, взглядываясь в них, гвардеец не только потерял надежду на помощь со стороны, но и вконец отчаялся определить свое местоположение. Сейчас он был брошен на произвол судьбы без всякой надежды на спасение, оказавшись один на один с миром мрака. В какой-то момент ему даже подумалось, что, возможно, он единственный, кому удалось выжить, и что во всей Галактике теперь не осталось людей. Однако, осознав затем, что эта мысль стала для него еще одним дополнительным источником страха, он тут же выкинул ее из головы.

«Как долго еще? – снова и снова задавал он себе все тот же вопрос. – Сколько часов?»

Когда в него попала пуля, он ничего не почувствовал. Никакой боли, никаких мук, никаких сколько-нибудь серьезных страданий – только непривычное онемение в ногах, после чего он безвольно скользнул на землю. Сначала, еще не поняв, что произошло, он решил, что просто споткнулся. Однако думал он так лишь до момента, когда, проклиная себя за неловкость, попытался подняться. Как оказалось, только для того, чтобы обнаружить, что ноги странным образом его совсем не слушаются. Когда же он почувствовал тепло растекающейся по животу крови, то наконец осознал свою ошибку.

За несколько часов, что прошли с тех пор, он из-за крошечной тьмы не смог разглядеть, насколько серьезны его раны, однако ничто не мешало ему их ощупать, и пальцы рассказали ему то, что не могли сообщить глаза. Он получил ранение в основание позвоночника, и пуля, пройдя навывлет, оставила в жи-

воте дыру размером с кулак. Обладая весьма скромными познаниями в медицине, он, чтобы остановить кровотечение, заткнул дыру в теле марлей и наложил сверху повязку. Хотя в гвардейском медпакете имелось несколько пузырьков с морфием, а молитву об облегчении страданий он знал наизусть, никакой необходимости в этом у него не было. Ранение не причиняло ему абсолютно никакой боли – даже когда он ощупывал края рваной раны на животе и его пальцы погрузились в нее по костяшки, он не испытал никакого дискомфорта. Не нужно быть великим медиком, чтобы понять: это весьма скверный знак.

«Как долго еще? – снова зазвучал у него в голове неотвязный вопрос. – Сколько часов?»

Между тем для дискомфорта хватало других причин. Морозный ночной воздух обжигал открытое лицо и шею, а от ужасной, оупляющей усталости голова его стала тяжелой, так что он едва мог соображать. Кроме того, страх, одиночество, полная изоляция. А хуже всего была тишина. В момент, когда он, сраженный, упал на землю, ночь содрогалась от какофонии битвы – пронзительного визга лазеров, треска выстрелов, грохота взрывов и истошных воплей умирающих. Затем звуки постепенно уходящего в сторону сражения стали мало-помалу затихать, пока наконец не уступили место этой ужасной, сводящей с ума тишине. Раньше он и представить себе не мог, что подобные звуки могут действовать на человека успокаивающе. Каким бы устрашающим ни был грохот боя, следовавшее за ним безмолвие было еще страшнее. Каждое мгновение оно напоминало ему о жуткой изоляции, в которой он оказался, оставшись один на один со всеми своими страхами. Здесь, в этой

сводящей с ума тишине, только они составляли ему компанию, ни на секунду не прекращая безжалостно терзать его сердце.

«Как долго еще? – не оставлял его в покое все тот же вопрос. – Сколько часов?»

Временами его охватывало почти неодолимое желание закричать во весь голос. Позвать на помощь, просить о пощаде, вопить, визжать, молить – что угодно, только бы нарушить эту кошмарную тишину. И каждый раз, чтобы подавить в себе этот безумный порыв, он до боли прикусывал нижнюю губу, из последних сил стараясь сдержать слова отчаяния, уже готовые вырваться у него из груди. Он знал, что и малейшего звука может быть достаточно, чтобы привести его к скорой гибели, ведь услышать его могли как друзья, так и враги. А в том, что где-то там, на другой стороне нейтральной территории, сейчас притаились бесчисленные миллионы его кровожадных врагов, он не сомневался ни на секунду. Они ждали, готовые вновь броситься в атаку, чтобы убивать, калечить... Как ни ужасно было одному с тяжелым ранением застрять на ничейной земле, перспектива оказаться в руках жестокого противника была несравненно хуже. Между тем тишина, которую он едва мог стерпеть, похоже, длилась уже не один час. Было очевидно, что, как бы отчаянно он ни надеялся на спасение, ничего, что могло бы хоть как-то его ускорить, он сделать не может.

«Как долго еще? – настойчиво стучало у него в голове. – Сколько часов?»

Из всего прочного и основательного, что есть в жизни людей, у него теперь осталось так мало. Так мало из всего того, чем он раньше столь дорожил.

Все, что прежде значило для него так много, – семья, родной мир, вера в Императора – теперь стало казаться чем-то очень далеким и смутным. Даже его воспоминания приобрели какой-то нереальный оттенок, словно его прошлое, растворяясь перед его мысленным взором, уничтожалось теперь так же быстро, как и его возможное будущее. Его внутренний мир – мир, который отражал всю его жизнь, прежде такую яркую и многообещающую, – теперь стремительно сокращался, безвозвратно теряя одну свою индивидуальную черту за другой. Ему оставалось лишь сделать выбор из нескольких очень простых вариантов: кричать или хранить молчание; медленно умирать от потери крови или с помощью ножа быстро со всем покончить; сохранять сознание или безвольно предаться сну. В какой-то момент перспектива сна показалась ему самой соблазнительной. Он был уже истощен – как морально, так и физически. Усталость, как надоедливый друг, не отходила от него ни на шаг, присутствуя почти в каждой мысли, что сейчас едва ворочались у него в голове. И все же он не поддавался! Он твердо знал, что если уснет, то, скорее всего, больше уже никогда не проснется. Также он знал, что все эти варианты не более чем иллюзии. По сути, сейчас для него существовал только один выбор – остаться в живых или умереть, а умирать ему совсем не хотелось.

«Как долго еще? – снова прозвучал у него в голове немилосердный вопрос. – Сколько часов?»

Но ответа у него не было. Смирившись с мыслью, что судьба его теперь находится в руках других людей, он просто ждал, вслушиваясь в жуткую тишину нейтральной полосы. Ждал, до последнего надеясь,

что где-то там, в ночи, его товарищи по оружию уже его ищут. Ждал, не желая сдаваться ни врагу, ни сну. Ждал, застряв где-то между жизнью и смертью. Его жизнь представлялась ему тлеющей искрой, затерявшейся в царстве мрака, которая то ярко вспыхивала, то готова была вот-вот потухнуть. В отчаянии его разум стал вызывать картины из прошлого, которые хотя бы отчасти объясняли, как вышло так, что он вообще здесь оказался...

WARHAMMER
40,000

Когда силы Имперiums терпят поражение от Хаоса на Сартис Майорис, юстикар Аларик из ордена Серых Рыцарей оказывается захвачен в плен и попадает на демонический мир в Оке Ужаса. Лишенный доспехов и оружия, он сражается в гладиаторских боях на потеху своим демоническим хозяевам, чье поклонение богу Кхорну выражается в бесконечном кровопролитии. Единственный шанс Аларика выжить и сбежать с адского ристалища — легендарный Молот Демонов, оружие, обладающее силой противостоять Хаосу и освободить его пленников. Но чтобы найти Молот, Серый Рыцарь должен стать монстром, рабом Кхорна, убивающим в его честь

1

Пол и стены медицинского бункера были выкрашены в темно-зеленый цвет, и кровь казалась просто темной водой, собиравшейся в лужицы под кроватями.

— Он в дальнем конце, — сказала санитарка. На ее сером от усталости лице, казалось, жили одни глаза.

— Тогда поторопимся, — отозвался полковник Дал'Таркен.

Санитарка повела полковника между рядами коек. На каждой лежал раненый — обмякший в полузабытьи под действием успокоительных или же крикующий от боли, пока санитар перебинтовывал его раны. Некоторые находили в себе силы кивнуть или даже отсалютовать проходящему мимо них полковнику, и он отвечал на приветствия, на миг встречаясь с ними взглядами. Однако внимание большинства из тех, кто оставался в сознании, было приковано к мужчине, шагавшему вслед за полковником. Огромный, в доспехах из серого металла — ничего подобного гатранцы не видывали, пока не попали в этот мир. Несомненно, он был один из тех, кого вообще мало кому из них довелось видеть вблизи. Казалось, он сразу заполнил собой весь тесный бункер.

— Поступили трое, — продолжала санитарка, с любопытством поглядывая на фигуру в доспехах за

спиной полковника. — Один еще жив. Двух других нам пришлось сжечь. — Ее речь была краткой и точной, словно запасы сострадания иссякли в ней.

Полковнику Дал'Таркену не пришлось спрашивать о самочувствии выжившего. В конце бункера стоял ряд коек под противомоскитными пологам. Бесплезные в арктическом климате Сартис Майорис, они вполне годились, чтобы скрыть от глаз выздоравливающих жестоко израненных — тех, кто не понимал, что уже мертв. Выживший патрульный должен был умереть, и скоро.

— Если это имеет значение, он не в том состоянии, чтобы разговаривать, — продолжала медик.

— Он в сознании?

— То да, то нет.

— Подойдет.

Санитарка откинула полог с кровати у задней стены бункера. От койки пахнуло горелым мясом.

— Задница на Золотом Троне, — выругался лежащий на койке солдат. — Похоже, я и правда влип.

— Рядовой Слохан?

— Да, сэр.

— Я офицер.

— Виноват, сэр. Не могу отдать честь.

У рядового Слохана отсутствовала большая часть нижней челюсти. Ее заменили временным протезом, достаточно подвижным, чтобы говорить. Лицо с одной стороны было сплошным окровавленным мясом. Поверх вытекшего глаза была наложена марлевая повязка. Камуфляжная куртка была распорота, на груди зияла огромная рана. На нее наложили прозрачный пласт гелевой кожи, чтобы остановить кровотечение, но ранение было слишком серьезным, чтобы Слохана можно было спасти. Столько крови натекло на пол и пропитало постель, что он умер бы

от кровопотери, даже если бы остальные органы были в порядке.

Взгляд Слохана сосредоточился на фигуре, возвышающейся за спиной полковника. Какое-то мгновение он, казалось, не мог сфокусироваться, словно фигура эта была слишком велика для ограниченного пространства бункера.

Слохан улыбнулся остатками рта.

— Ты. Ха, я и не думал, что доведется взаправду столкнуться нос к носу с одним из вас... Космодесантники! Когда... когда я был маленький, то думал, что вы — это просто сказки.

Юстикар Аларик выступил вперед. В полном боевом снаряжении, высокий, чуть не в два человеческих роста. Его стальной доспех украшала сложная инкрустация золотом — религиозные изречения, на одном плече массивная накладка герба: сияющая звезда на черно-красном поле. Другое плечо украшала эмблема — книга, пронзенная серебряным мечом. Аларик был без шлема, и над монументальными изукрашенными доспехами лицо его смотрелось слишком человеческим, даже со всеми его шрамами и иными следами многих лет ратных трудов. Он держал алебарду, настолько длинную, что задевала свод бункера, к предплечью другой руки был прикреплен двуствольный штурмовой болтер.

— Не сказки, — сказал Аларик просто. — Мы здесь по той же причине, что и вы. Этот мир заслуживает спасения.

— Что ты видел, солдат? — спросил полковник.

Слохан выгнулся дугой и закашлялся. В ранах на его груди проглядывала серая масса легких.

— Мы вышли вшестером. Капитан сказал, что мы идем... идем южным маршрутом, чтобы попасть в предгорья до темноты. Должно быть, накануне

сошла лавина, путь был заблокирован, поэтому мы двинулись в обход, вдоль Бледного Хребта. — Слохан взглянул на полковника. — Надо было нам повернуть обратно.

Медик взяла в руки стопку листов с распечатками, выползающими из установки жизнеобеспечения. Она выразительно глянула на полковника. Неровные линии жизненно важных показателей на листах означали, что Слохан долго не протянет.

— Продолжай, солдат, — велел полковник.

— Вдруг из-под земли полезло... что-то, — сказал Слохан. Он уставился в потолок. Слишком многое предстало перед его внутренним взором, чтобы он мог видеть что-нибудь реальное. — Руки и лица. Они начали вопить. И был огонь. Капитан погиб. Нам пришлось бросить его. Он просто расплавился. Толлен спятил и начал стрелять. А я просто побежал, сэр. Побежал прочь.

— И потом?

— Я бежал по гребню. Кажется, я тоже горел. Эти непонятные штуки вырастали из-под снега. Я добрался до вершины и открыл огонь. Чертов лазган раскалился докрасна. А потом я удрал вдоль хребта, подальше от всего этого. И оглянулся всего один раз.

Аларик опустился на колени рядом с полковником, став одного с ним роста.

— Что ты увидел?

Уцелевший глаз Слохана повернулся в орбите, подернувшись слезами.

— Их были миллионы, — выговорил он, — миллионы, и все по ту сторону Бледного Хребта.

— Люди? — спросил Аларик.

— Люди, — выдавил Слохан, — и существа. Огромные существа. Чудовища, они ждали там, словно скот на бойне. Потом ветер разогнал облака,

и показались звезды, и вся долина была залита кровью. Горные ручьи оттаяли, и в них тоже была кровь. Я слышал, как они поют. Этот язык, он был совсем нечеловеческий. Та речь была прямиком из варпа.

— Артиллерия? — спросил полковник. — Доспехи?

— Я не знаю, — отозвался Слохан, — но в воздухе тоже были монстры, с крыльями. И башня... озаренная красным... и он на стене, словно король.

— Кто? — быстро спросил Аларик, склоняясь к лицу Слохана. — Кого ты видел?

Слохан попытался ответить, но вместо слов лишь судорожно всхлипнул. Из уцелевшего глаза выкатилась кровавая слеза. Санитарка отбросила распечатку и принялась регулировать настройки монитора.

— Потерял сознание, — сказала она. — Он теряет кровь быстрее, чем мы можем вливать ее обратно. Больше вы от него ничего не добьетесь.

— Бледный Хребет, — произнес полковник Дал'Таркен. — Прямо под нашими проклятыми носами.

— Мы знали, что так будет, — сказал Аларик.

— Да уж. — Полковник повернулся к помощнику медика и указал на содрогающееся тело Слохана. — Сожгите его тоже.

— Разумеется, — ответила она.

Аларик встретился со своим отделением в укреплениях над медицинским бункером. Вечер был даже более холодный, чем обычно, и каменные стены покрылись ледяной коркой. Струйки пара поднимались от аванпостов и огневых точек, от дыхания гатранских гвардейцев, съжившихся под своими шинелями. Серые Рыцари несли стражу на правом фланге, где медицинский бункер примыкал к ледяной стене горного склона. Остальная часть оборони-

тельного рубежа проходила через ущелье, занятое гатранскими солдатами, все еще с некоторой опаской поглядывавшими на Серых Рыцарей. Никто из них не знал, кто такие эти Серые Рыцари, зато все слышали про космических десантников, спасителей человечества, величайших воинов галактики. Космодесантник был символом Империи, напоминанием о том, во имя чего они сражаются.

— Какие новости, юстикар? — спросил брат Холварн, когда Аларик с трудом пробрался сквозь крошево осыпавшегося льда.

— Дело идет к развязке, — отозвался Аларик.

— Хорошо, — проворчал брат Дворн.

Дворн, как и Холварн, сражался вместе с Алариком с тех времен, когда того только возвели в чин юстикара. Если Холварн был прирожденным лидером, то Дворн — боец до мозга костей. Его оружием был молот — редкая вещь, полностью соответствовавшая brutальному характеру Дворна. Аларик был рад, что на Сартис Майорис они с ним рядом. Если в рассказе рядового Слохана была хоть доля правды, то вскоре оба ему пригодятся.

— Мы знаем, с чем придется столкнуться? — спросил брат Визикаль.

— Пока нет, — ответил Аларик.

— Узнать бы уже поскорее, — заметил Дворн.

— Не будь таким нетерпеливым, — возразил Аларик. — Это плохо. Враг, должно быть, копит силы с самой нашей высадки. Теперь они собираются по ту сторону Бледного Хребта. Пока мы разговариваем, полковник мобилизует всех, кто может стать в строй. Скоро начнется. Враг не сможет долго удерживать такую силу под контролем.

— А линия обороны устоит? — спросил брат Тейн.

Тейн и Визикаль пополнили отделение Аларика после потери, понесенных на Каэронии.

— Это не мне судить, — здраво заметил Аларик. — Решать исход битвы будут гатранцы. Мы должны показать им, как надо противостоять врагу, и помочь, направляя их молитвы. После этого вся тяжесть боя падет на них.

— Нет, если мы успеем первыми, — ухмыльнулся Визикаль. Если Тейн лишь недавно удостоился доспеха Серого Рыцаря, то Визикаль был ветераном. Латные рукавицы его силового доспеха были постоянно черными из-за огня инсинератора, несмотря на проводимые над снаряжением обряды, призванные сделать их безукоризненно чистыми. — Покажем им, как это делается.

Дворн согласно кивнул. «Некоторые именно так и сражаются, — подумал Аларик, — просто отбрасывают прочь любые мысли о неудаче и верят, что подготовка и решимость им помогут». В конце концов, они ведь Серые Рыцари, одни из лучших воинов Империиума! Но Аларик — командир, и он не мог позволить себе мыслить так просто.

— Тейн, возглавь молитву, — сказал Аларик. — Наши тела готовы, пусть же и души наши станут готовы.

Слух Аларика заполнили голоса имперских гвардейцев, низкие и печальные, слившиеся воедино в песне смерти Гатрана.

Волею судеб Сартис Майорис оказалась на пути жесточайшего из вторжений Хаоса с древних времен Ереси Хоруса. Тринадцатый Черный крестовый поход извергнулся из варп-шторма, известного как Око Ужаса, его возглавляли величайшие чемпионы Богов Хаоса. Они осадили Кадию и пол-

ностью уничтожили имперские войска, пытавшиеся остановить этот поток. Флоту Империи лишь одной величайшей жертв удалось остановить Черный крестовый поход на пути к самому сегменту Соляра. Инквизиция приняла жуткое решение, которое ужаснуло бы даже самого закаленного гвардейского генерала: ковровыми бомбардировками начисто уничтожить полки Имперской Гвардии, ставшие свидетелями зверств Врага, жертвовать целыми мирами, дабы замедлить продвижение орд Хаоса, без конца обманывать верноподданных Императора, чтобы этим купить хоть крохи надежды. Весь север галактики был мобилизован, чтобы защитить сердце Империи от Черного крестового похода.

Вместе с Хаосом явились демоны. Ордо Маллус, самый скрытный и воинственный из ордосов Инквизиции, направил к Оку Ужаса беспрецедентно огромные силы. Серых Рыцарей целыми ротами швыряли в бурлящий котел Ока. Око Ужаса затягивало в себя охотников за демонами со всего Империи и выплевывало их обратно — изуродованных, лишившихся рассудка или мертвых. И все же они сражались, поскольку именно это и означает быть человеком: драться, когда всякий находящийся в здравом уме понимает, что победить в сражении невозможно.

Сартис Майорис снабжал Имперский Флот топливом. Ее перегонные заводы превращали радиоактивные ископаемые мантии планеты в кровь войны — в топливо для боевых кораблей сегментума. Быть может, именно потому армада кораблей Хаоса, древних сооружений, похожих на покрытые ржой кинжалы, так рвалась к Сартис Майорис. А возможно, просто миллионы колонистов, скученных в за-

нятых перегонкой и очисткой топлива городах, казались слишком заманчивой жертвой Темным Богам. В любом случае, завладей Хаос Сартис Майорис, двигатели имперских боевых кораблей умолкли бы и вновь корабли Хаоса прорвались бы сквозь установленную силами Империи блокаду.

Гатранский Бронекавалерийский оказался в тот момент близко и высадился на Сартис Майорис почти сразу после того, как силы Хаоса обрушились на южную полярную шапку планеты. Спешные стратегические совещания подтвердили, что войска Хаоса двинутся на север через единственный проход в высоких горах Реликвус — скованное льдом ущелье. Если они прорвутся через горы, под угрозой окажется любая из перерабатывающих городов. Куда они ударят в первую очередь, предсказать невозможно. Следовательно, ущелье необходимо удерживать, и сделать это должен был Гатранский Бронекавалерийский полк.

Имперские военачальники запросили буквально любую помощь, чтобы избавить Сартис Майорис от врага. В Ордо Маллеус услышали эти просьбы и провели астропатические изыскания, подтвердившие присутствие демонов в высадившихся на планету полчищах. По-хорошему, следовало бы послать мощную группировку войск из космодесантников и штурмовиков с охотниками на демонов во главе, чтобы сокрушить силы Хаоса прямо на полюсе. Но эта Вселенная далека от совершенства, и все эти легионы и инквизиторы были расплывлены между множеством миров, которым угрожал Черный крестовый поход.

Вклад Инквизиции в оборону Сартис Майорис состоял из юстикара Аларика и четырех Серых Рыцарей.

Приговоренному к смерти Райнеру Гетцау и его товарищам по виселице оставался лишь один шанс избежать петли: отыскать и доставить графу Манфреду священный артефакт — знамя Проклятие Вальнира, наделяющее безграничным могуществом своего обладателя и полностью парализующее волю всех остальных. Далеко в землях, на которых господствуют демонопоклонники, спрятано это знамя. Целая армия Хаоса противостоит маленькой горстке измученных людей, каждый из которых порой не может доверять даже себе.

Им нечего терять, кроме своих душ... Но они пытаются их сохранить.

Глава первая

ЖЕРТВЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Райнеру Гетцау на войне не повезло. По пути на север с пистольерами фон Штольмена для участия в последней атаке, призванной изгнать нечестивых из Кислева, он надеялся вернуться домой, в Альтдорф, с парой боевых шрамов, дабы произвести впечатление на подружек и любовниц; с тюками трофеев, которые можно продать на черном рынке; и несколькими седельными сумками золотых монет, выигранных у однополчан в карты и кости. И что в итоге? В первой же битве его ранили, и пришлось почти всю кампанию просидеть в приграничном городишке Вулске, который все удалялся от линии фронта, по мере того как Великий Союз теснил захватчиков все дальше в Пустоши Хаоса.

Пока он поправлялся после ранения в Вулске, ему случилось столкнуться со злой колдуньей, притворяющейся жрицей Шаллии, но он уничтожил ее, прежде чем она успела разнести заразу по всей армии. И что он заслужил? Его тут же осыпали почестями и титулами? Нет. Из-за непроходимой глупости начальства его обвинили в убийстве священнослужительницы, а также в тех преступлениях, которые могла бы совершить «жертва», если бы он ее не остановил.

К счастью... а может, и к несчастью — это уж как посмотреть, его арест совпал с последней за эту войну кампанией, исход которой представлялся столь непредсказуемым, что мелочи вроде трибунала и казней отложили до окончания кровавого побоища. Райнера месяцами мариновали в разных тюрьмах, перебрасывали с места на место — таковы уж превратности войны. Наконец (война к этому моменту уже полгода как закончилась) он попал на гауптвахту замка Смоллхоф — форпоста Империи к западу от границы с Кислевом — и уже здесь ожидал казни через повешение в камере, полной висельников самого худшего разбора.

Нет, дурная какая-то получилась война. Не то слово.

Однако же Райнер был не тот человек, чтобы навек проститься с надеждой. Он был игрок, последователь Ранальда. Он знал, что проницательный игрок может обратить случай себе на пользу, и, между прочим, уже весьма успешно подкупил недалекого надзирателя байками о казнé, которую успел спрятать перед арестом. Вассендорф собирался тайно вывести его в полночь из камеры в обмен на долю этого мифического богатства. Теперь оставалось найти союзника. Предстоял долгий опасный путь на свободу — прочь из лагеря, из Империи, в неизвестное, и кто-то должен был охранять его сон, помогать перебираться через стены и стоять на шухере, пока он будет освобождать лошадей, еду и одежду от их законных владельцев. Но важнее всего было найти такого человека, который, в случае их поимки, сможет отвлечь представителей закона и дать Райнеру убежать.

За узким окном гауптвахты садилось солнце. Райнер обернулся и оглядел товарищей по камере, пытаясь понять, кто из них лучше всего подойдет в попутчики. Требовалось оптимальное сочетание сообразительности, самообладания и доверчивости — качеств, которые в тюрьме встречаются не особенно часто. Соседи обменивались рассказами о том, при каких обстоятельствах их арестовали. Райнер чуть усмехнулся. Ну конечно, каждый утверждает, что абсолютно невиновен. Дураки. Можно подумать, никто из них не заслужил такой участи.

Сидевший в углу инженер, задумчивый чернобровый гигант с кулачищами не меньше головок виссенбергского сыра, мотал головой, как сбитый с толку бык.

— Я не хотел никого убивать. Но они никак не останавливались. Все продолжали подкалывать, обзывать, и... — он заломил руки, — я даже не замалчивался, но мы строили осадную башню, и у меня в руках была кувалда... и...

— А ты — здоровенный орк, который не соизмеряет свои силы, вот что, — сказал коренастый лысый пикинер с торчащей бородкой.

Инженер вскинул голову:

— Я не орк!

— Тише, парень, — сказал второй пикинер, настолько же худой и жилистый, насколько плотный его товарищ. — Нам новые проблемы не нужны. Халс ничего такого в виду не имел. Ну, в очередной раз распустил язык...

— Не поэтому ли вы здесь оказались? — спросил Райнер, которому понравились эти двое крепких

мужиков, явно бывших работяг. Ему хотелось узнать о них побольше. — Никак ваши языки пробрили брешь, какую кулаками не заделать?

— Нет, господин, — отозвался тощий пикинер. — Мы совершенно невиновны. Жертвы обстоятельств. Наш капитан...

— Жалкий недоумок, который с кровати встать не мог, не сверившись с картой, — перебил Халс.

— Наш капитан, — повторил его товарищ, — был найден с двумя торчащими из спины копьями, и начальство непонятно с чего обвинило нас. Но пока виновный бежал от суда, полагаю, его уже поджидали курганцы.

Халс мрачно рассмеялся:

— Ну да. Курганцы.

В тени у дверей кто-то захихикал. Оказалось, это белозубый парень с закрученными черными усами.

— Ну, парни, хватает байки травить, — сказал он с тильянским акцентом. — Все мы в одной лодке, так?

— Ты-то что об этом знаешь, пожиратель чеснока? — заворчал Халс. — Небось сам белее снега. Что тебе нужно?

— Не-разу-мение, — сказал тильянец. — Ружья я продаю. Нахожу и продаю корсарам. Знать мне с чего, что Империя такая жадная? Откуда знать, что они не делятся с союзниками?

— У Империи нет союзников, ты, мародер несчастный, — сказал рыцарь, сидевший у дверей. — Только благодарные соседи, которые прибывают к ней в трудные времена, как овцы к пастуху.

Райнер осторожно разглядел его. Кроме него самого, рыцарь здесь был единственным дворянином, но Райнер не нашел в нем ничего родственного. Высокий, могучего сложения, с кустистой светлой бородой и пронизывающими голубыми глазами, весь такой герой Империи с головы до ног. Райнер был готов поклясться, что этот малый салютует даже во сне.

— Надо же, как ты предан Империи, которая засадила тебя в каталажку, — сухо сказал Райнер.

— Это ошибка, которую непременно исправят, — ответил рыцарь. — Я убил человека, защищая свою честь. Это не преступление.

— Тот, второй, тоже так думал...

Рыцарь только отмахнулся:

— Мне сказали, это мальчишка.

— И что он тебе сделал?

— Мы натягивали палатки. Этот псих залез на мою территорию, и вот...

— Отличный повод для убийства, нечего сказать.

— Вы издеваетесь, сэр?

— О нет, господин. В жизни бы не посмел.

Райнер перевел взгляд с рыцаря на безбородого лучника, темноволосого паренька, скорее по-детски милovidного, чем красивого.

— А ты, малый? В твои-то годы дойти до жизни такой?

— Ага, — сказал Халс. — Небось кусил кормилицу за сиську?

Мальчик поднял сердитые глаза.

— Я убил человека! Соседа по палатке. Он... — паренек сглотнул. — Он попытался... ну, пойметь

меня. И если кто из вас замыслит подобное, я поступлю с ним ровно так же.

Халс расхохотался:

— Размолвка влюбленных, да?

Мальчик вскочил на ноги:

— А ну прикуси язык!

Райнер вздохнул. Ну вот, еще одна горячая голова. Ему понравилась решительность мальчишки. Бесстрашный воробей в ястребином гнезде.

— Тише, парень, — сказал тощий пикинер. — Это всего лишь шутка. Халс, оставь его в покое.

От стены отделилась высокая худая фигура, нервный артиллерист с аккуратно подстриженной бородкой и совершенно безумными глазами.

— Я убежал от собственной пушки. Огонь низринулся с неба. Огонь, да, и он двигался, как человек. Он настигал меня. Я... — Внезапно он вздрогнул, опустил голову и сел.

Несколько секунд все молчали и не глядели друг на друга. «По крайней мере, этот бедолага не лжет», — подумал Райнер.

В помещении остался только один человек, который до сих пор не проронил ни слова и, по всей видимости, не интересовался разговором: толстенький, опрятный, в белой полотняной куртке полевого хирурга. Он сидел лицом к стене.

— А ты, костоправ, — окликнул его Райнер, — ты что натворил?

Остальные тут же встрепенулись, испытывая явное облегчение от того, что после странного признания артиллериста наконец можно сменить тему.

Хирург не поднял головы и не оглянулся.

— Не лезь не в свое дело.

— Тише, сэр. Мы здесь все мертвецы, ваших секретов не выдадим.

Но врач промолчал, только еще больше ссутулился и продолжал смотреть в стенку.

Райнер пожал плечами и откинулся назад, снова оглядывая своих сокамерников и раздумывая над тем, кого бы взять в попутчики. Ну, точно не рыцаря: слишком вспыльчив. И не инженера: уж больно унылый. Возможно, пикинеров, хотя, похоже, те еще ребята.

Шаги в коридоре прервали его размышления. Все обернулись. Замок скрипнул, дверь со скрежетом отворилась, и вошли два стражника во главе с сержантом.

— Встать, подонки!

— Приглашаете нас на последний ужин? — поинтересовался Халс.

— Ща моим сапогом отужинаешь, если не пошевелишься. А ну, марш!

Узники покинули камеру, еле волоча ноги. Снаружи ждали еще двое охранников. Все вышли вслед за сержантом на прохладный вечерний воздух и пересекли грязный двор замка, где размещался гарнизон.

Падали крупные хлопья мокрого снега. Когда Райнер прошел мимо виселицы в центре плаца, у него по спине пробежали мурашки.

Они вошли в цитадель через небольшие ворота и, поднявшись по винтовой лестнице, оказались в помещении с низким потолком, где пахло древесным дымом и каленым железом. Райнер нервно сглотнул

и огляделся. Вдоль стен стояли клетки и висели кандалы и разнообразные орудия пытки — дыбы, решетки, железные сапоги. В углу человек в кожаном фартуке калил на огне клейма, мерцающие в полумраке.

— Смотреть вперед! — рявкнул сержант. — Сомкнуть ряды! Смирно!

Узники застыли в центре помещения — кто сразу, кто чуть помедлив — и так прождали, как им показалось, чуть ли не целый час, пока сержант не окинул их грозным взглядом. Наконец, когда у Райнера уже невыносимо заныли колени, у них за спиной распахнулась дверь.

— Вперед смотреть, уроды! — прикрикнул сержант и сам застыл навтыжку.

Теперь Райнер видел тех двоих, ради которых все это затевалось.

Первого он не знал. Это был старый солдат, весь в шрамах, седой, с искаленной ногой. У него было угрюмое тяжелое лицо, с глазами-щелками под кустистыми бровями. Он был одет в черный с красными разрезами дублет и короткие брюки — форму капитана остландских пикинеров.

Другого Райнер пару раз видел издали — барона Альбрехта Вальденхейма, младшего брата графа Манфреда Вальденхейма из Нордбергбрухе и второго по званию человека в его армии. Он был высок ростом и крепко сбит, явно очень силен, но немного полноват, со скошенным подбородком. Репутация безжалостного человека подтверждалась одним выражением лица, холодного и закрытого, как железная дверь. Он был в синем бархате, край подбитого мехом плаща волочился по полу.

Сержант отсалютовал:

— Узники, милорд!

Альбрехт кивнул с отсутствующим видом, его ледяные голубые глаза уставились на узников из-под коротких темных волос.

— Ульф Уркарт, милорд, — сказал сержант, когда Альбрехт и капитан со шрамами остановились перед задумчивым гигантом. — Инженер. Обвиняется в убийстве одного сапера. Убил его кувалдой.

Они перешли к Халсу и его тощему напарнику.

— Халс Кийр и Павел Фосс. Пикинеры. Убили в бою собственного капитана.

— Между прочим, мы невиновны, — заметил Халс.

— Молчать, мразь! — заорал сержант и дал ему затрещину.

— Ничего, сержант, — сказал Альбрехт. — А это кто? — он указал на миловидного юношу.

— Франц Шонтаг, лучник. Убил товарища по палатке, якобы в целях самообороны.

Альбрехт и капитан фыркнули и перешли к артиллеристу.

— Оскар Лихтмар, канонир. Трусость перед лицом врага. Оставил свою пушку.

Седой капитан стиснул губы. Альбрехт пожал плечами и покосился на рыцаря, который вытянулся в струнку, — воплощенное внимание.

— Эрих фон Эйзенберг, новообращенный рыцарь ордена Скипетра. Убил виконта Олина Марбурга на дуэли.

Альбрехт поднял бровь:

— Оскорбление было серьезным?

— Виконту было всего пятнадцать.

— А-а.

Следующим был тильянец.

— Джано Остини. Арбалетчик-наемник. Крал имперские ружья и продавал их чужеземцам.

Альбрехт кивнул и перешел к толстяку, который отказался назвать свое преступление. Сержант с отворачиванием оглядел его:

— Густав Шлехт, хирург. Обвиняется в насилии над человеком, который приносил в лагерь еду.

Альбрехт поднял глаза:

— Не понимаю.

Сержант замялся:

— Он... э-э... обесчестил и убил дочь фермера, у которого находился на постое их отряд.

— Какая прелесть.

Они оказались прямо напротив Райнера. Альбрехт и капитан пикинеров окинули его холодным взглядом. Сержант гневно глянул на него.

— Райнер Гетцау, стрелок. Самый отъявленный из всех. Колдун, который убил святую женщину и призвал мерзких демонов в лагерь. Не знаю, что и сказать, милорд. Все прочие преступны, но этот... он враг.

— Чушь, — сказал капитан пикинеров. Он заговорил в первый раз. Голос его звучал как скрип гравия под колесами. — Это не хаосит. Я бы почувствовал.

— Ну конечно, — согласился Альбрехт.

У Райнера отвисла челюсть. Он был изумлен.

— Но... но тогда, милорд, обвинения против меня должны быть беспочвенны. Если вы знаете, что я не колдун, тогда понятно, что эти существа были призваны не мной, и...

Сержант пнул его в живот:

— Молчать! Ты, ублюдок!

Райнер согнулся пополам, хрипя и хватаясь за живот.

— Я читал ваш отчет, сэр, — невозмутимым тоном сказал Альбрехт, — и я ему верю.

— Значит... вы меня отпустите?

— Думаю, нет. Из него следует, что вы гораздо более опасны, чем если бы и правда были колдуном. Вы жадный дурак, готовый продать родную землю, отдать ее на разорение.

— Господин, умоляю вас. Может, я пару раз принял неверное решение, но если вы знаете, что я невиновен...

Альбрехт фыркнул и отвернулся:

— Капитан?

Старый капитан усмехнулся:

— По мне, так они все вместе и гроша не стоят.

— Боюсь, на данный момент других у нас просто нет.

— Значит, пора приступать, не так ли?

— Несомненно. — Альбрехт повернулся к сержанту. — Приготовьте их.

— Есть, сэр. — Он подал знак охранникам. — Заприте их. Всех, кроме этого. С орочьим сердцем.

— Я не орк! — сказал Ульф, когда стражники затолкали Райнера и всех остальных в тесную железную клетку у левой стены. Еще двое увели Ульфа в дальний конец помещения, где ждал человек в кожаном переднике. Стражники били Ульфа по ногам, пока он не опустился на колени, затем распластали его руку на деревянном столе.

— Что вы делаете? — встревоженно спросил гигант.

Один из стражей приставил копьё к его шее.

— А ну, тихо!

Человек в переднике достал из огня раскаленное клеймо. Оно было в форме молота.

Глаза Ульфа расширились.

— Нет! Вы этого не сделаете! Это нечестно!

Он начал отчаянно вырываться, подбежали остальные стражники и скрутили его.

Тот, что с копьём, уколол его пару раз:

— Успокойся.

Палач прижал клеймо к его руке. Зашипела обожженная плоть. Ульф завопил и потерял сознание.

От сладковатого запаха горелого мяса Райнеру стало нехорошо.

— Так, — сказал сержант, — следующий.

Райнер едва сдерживал дрожь. Рядом с ним Оскар, артиллерист, плакал, как ребенок.

Райнер проснулся от дикой боли с тыльной стороны ладони и ощущения чего-то холодного на щеке. Он открыл глаза и увидел, что лежит на каменном полу пыточной. Очевидно, он тоже вырубился, когда его клеймили.

Кто-то пнул его по ногам. Сержант.

— Поднимайся, колдун.

Приказ было трудно понять. Казалось, его разум существовал отдельно от тела — как воздушный змей на длинной веревке. Мир словно закружился вокруг него за толстой стеклянной стеной. Он попытался встать и даже на какой-то миг подумал,

что уже стоит, но, когда смог снова сосредоточиться, сообразил, что все еще лежит на полу и боль тяжелой волной ходит по руке.

— Смирно, болван! — заорал сержант и снова пнул его.

На этот раз устоять получилось, хоть и не без труда, и он присоединился к остальным в неровном строю перед Альбрехтом и капитаном. У каждого узника на руке был уродливый вздувшийся ожог в форме молота. Райнер сдержал порыв взглянуть на свое клеймо. Ему просто не хотелось это видеть.

— Сержант, — приказал Альбрехт, — выдайте хирургу бинты, пусть он перевяжет им раны.

Палач в кожаном фартуке достал какую-то мазь и бинты и передал Шлехту. Толстый хирург сначала смазал и перевязал свой ожог, потом занялся остальными.

— Вот, — сказал Альбрехт, пока он работал, — мы взяли вас под контроль и теперь можем продолжать.

Райнер беззвучно выругался. О да, они взяли его под контроль. Заклеймили на всю жизнь. Знак молота говорил всем и каждому, что его носитель — дезертир и может быть безнаказанно убит.

— Я здесь, чтобы предложить вам кое-что, чего вы не имели, к примеру, еще час назад, — продолжил Альбрехт. — Выбор. Вы можете послужить своему императору в ходе весьма важной миссии, а можете встретить свою судьбу сегодня же вечером на виселице.

Райнер выдохнул проклятие. Сегодня вечером! Он же собирался бежать в полночь. И вот теперь враги украли у него даже эту возможность.

— Шансы выжить при выполнении миссии малы, должен вас предупредить, зато награда в случае успеха велика. Вы получите столько золотых крон, сколько весите сами, к тому же с вас снимут все обвинения.

— Толку-то, учитывая, что вы нам дали уже, — проворчал Халс, демонстрируя обожженную руку.

— Император ценит вашу службу так высоко, что мудрецу из ордена Света будет приказано удалить клеймо, если вы вернетесь с победой.

«Звучит слишком уж хорошо», — подумалось Райнеру. Похоже на то, что он сам мог сказать, собираясь смошенничать.

— И что там за работа? — мрачно спросил Павел.

Альбрехт усмехнулся:

— Хотите поторговаться? О целях миссии узнаете, если согласитесь. А теперь, господа, каков будет ваш ответ?

Узники явно колебались, но один за другим кивали или говорили о своем согласии. Райнер мысленно проклинал Альбрехта. Выбор, называется. Какой тут выбор? С этим клеймом Райнер более никогда не сможет свободно передвигаться по Империи. Стояла ранняя весна — какое-то время еще можно носить перчатки, а вот летом он будет выделяться, как овца в волчьей стае. И никогда не вернется в любимый Альтдорф, к картежным столам, забегаловкам, театрам, собачьим ямам и борделям — туда, где он чувствовал себя как дома. Даже если бы побег удался, ему пришлось бы покинуть Империю навсегда. А теперь, когда Альбрехт пере-

нес казнь с завтрашнего утра на сегодняшний вечер и тем самым угробил его единственный план, даже эта непривлекательная перспектива оказалась прикрыта.

Шанс на побег возникал лишь при условии, что он согласится на миссию. Возможно, где-нибудь в пути удастся ускользнуть — на запад в Мариенбург, или на юг в Тилею, или в Пограничные Княжества, или в какую-нибудь другую мерзкую дыру. А может, все окажется не так опасно, как говорил Альбрехт, он вернется и заберет свою награду — ну, разумеется, если Альбрехт не врал относительно нее.

Ясно было одно: откажешься — умрешь сегодня же, после чего не останется уже никаких «может быть».

— Да, — сказал он наконец. — Да, господин. Я в вашем распоряжении.

В первые годы Гражданской войны слухи о золоте, таящемся в мерзлых недрах Клондайка, увлекли на север тихоокеанского побережья полчища старателей. Не желая уступить в этой игре, российское правительство поручило изобретателю Левитикусу Блю соорудить большую машину, способную буравить льды Аляски. Так появился на свет

«Невероятный Костотрясный Бурильный Агрегат доктора Блю».

Однако в первый же день испытаний Костотряс повел себя непредсказуемо, разгромив несколько кварталов в деловой части Сياتла и вскрыв подземные залежи губительного газа, который обращал любого человека, вдохнувшего его, в живого мертвеца.

Прошло шестнадцать лет...

ИЗ «НЕВЕРОЯТНЫХ СТРАНИЦ ИСТОРИИ ЗАПАДА»

Незавершенный труд Хейла Куортера (1880)

Глава 7 Сиэтл — город за стеной

Проселки и тропы тут выдавали себя за дороги; они стягивали берега страны, как шнурки — башмак, связывали ее, словно сплетения струн или пальцы, скрещенные на удачу. И с востока на запад упорно тянулись поселенцы — через великую реку, через прерии и горные перевалы. Тонким ручейком просачивались они через Скалистые горы — кучками и горстками, на фургонах и дилижансах.

Вот как все начиналось.

В Калифорнии прямо на земле валялись самородки с грецкий орех величиной — по крайней мере так толковали люди, а истина всегда плетется позади, когда слухи воспарят на золотых крылах. Людской ручеек превратился в величественный поток. Западное побережье манило соблазнами и кишело старателями, искушавшими судьбу в каменистых ручьях и грезах о богатстве.

Со временем на калифорнийской земле стало тесно, а старательские полянки оскудели. Теперь из недр извлекали такую мелкую золотую пыль, что ее можно было ненароком вдохнуть.

В 1850 году с севера примчался новый слух — сияющий крылатый вестник.

Клондайк, провозгласил он. Езжайте туда и вгрызйтесь в лед. Того, кому хватит решимости, ждет золотое изобилие.

Поток сменил курс и хлынул в северные широты. Это обернулось небывалой удачей для поселения на краю фронта, последнего перед канадской границей, — глухого заводского городишки у залива Пьюджет-Саунд, названного Сиэтлом в честь местного индейского вождя. Чуть ли не за

ночь замызганный поселок превратился в миниатюрную империю, где старатели и путешественники могли обменять товары и запастись необходимым.

Пока американские законодатели спорили, покупать Аляску или нет, в России приостановили сделку и задумались над ценой. Если недра полуострова и в самом деле ломаются от драгоценных ископаемых, то ставки меняются на корню. Но даже если отыщется стабильное месторождение, удастся ли его разрабатывать? Для проверки идеально подошла бы рудная жила, выходящая участками на поверхность, но в основе своей погребенная под стофутовым панцирем нетающего льда.

В 1860 году русские объявили конкурс, пообещав награду в сто тысяч рублей изобретателю, который сконструирует или придумает машину, способную в поисках золота бурить лед. Так в науке началась гонка вооружений, а между тем Гражданская война была уже не за горами.

На северо-западном побережье начали одну за другой мастерить большие и малые машины. То были замысловатые механизмы, рассчитанные на страшный холод и бурение твердой, как алмаз, мерзлоты. Работали они на парú и угле, для смазки же использовались специальные составы, защищавшие детали от воздействия стихий. Были машины, которыми правили вручную, как почтовыми каретами, а встречались и такие, что бурили сами по себе, подчиняясь часовым механизмам и хитроумным направляющим устройствам.

Однако ни одной из них не хватило мощи, чтобы добраться до скрытой подо льдом жилы, и русские готовы уже были продать Аляску за смешную, по всем меркам, сумму... как вдруг на них вышел изобретатель из Сиэтла и завел разговор о чудесной машине. То будет горнодобывающий агрегат, мощнейший из известных человечеству: пятьдесят футов длиной, полная механизация, в роли движущей силы — сжатый пар. Спереди располагаются три основные бурильно-режущие головки, а система спиралевидных расчищающих устройств, смонтированная на боках и задней части машины, удаляет из бурового канала отработанный лед, землю и скальную породу. Тщательно сбалансированная масса и усиленный корпус позволят машине вести бурение строго по вертикали или горизонтали — как уж заблагорассудится человеку, сидящему в кресле механика. По точности машине

не будет равных, а в отношении мощности она установит стандарт для всех последующих аналогов.

Вот только ее еще надо построить.

Изобретатель, некто Левитикус Блю, выхлопотал у русских достаточно солидный аванс, которого хватило бы и на покупку материалов, и на сооружение Невероятного Костотрясного Бурильного Агрегата доктора Блю. На работу он запросил шесть месяцев, по истечении коих обязался устроить публичные испытания.

Разжившись финансами, Левитикус Блю вернулся в Сиэтл и начал в подвале собственного дома конструировать свою замечательную машину. Деталь за деталью возводил он детище своего разума, укрывшись от глаз горожан; ночь за ночью шум загадочных инструментов и приборов пугал соседей. Но вот наконец — между прочим, задолго до заявленного срока — изобретатель объявил, что его шедевр «завершен».

Относительно дальнейших событий уверенности нет до сих пор.

Возможно, то была всего лишь авария — ужасный сбой, бунт взбесившейся техники. Возможно, причина кроется в банальной нерасторопности, неудачно выбранном времени, неточных расчетах. Или же все-таки это была хорошо спланированная акция, неслыханная в своей жестокости и корыстолюбии попытка стереть городской центр с лица земли.

Чем руководствовался в своих поступках доктор Блю, мы вряд ли уже узнаем.

Ему была свойственна некоторая алчность, но не более, чем большинству людей; есть вероятность, что он всего-то задумал скрыться с российскими деньгами и прихватить для верности кое-какие дополнительные средства. Незадолго перед этим изобретатель женился (как утверждали злые языки, невеста была моложе его на двадцать пять лет), и нередко высказываются догадки, что к его поступкам приложила руку супруга. Скажем, принуждала его к излишней спешке или уж слишком хотела быть замужем за богачом. Или же, как потом неустанно твердила она сама, была абсолютно не в курсе мужних дел.

Наверняка можно сказать следующее. Утром 2 января 1863 года из подвала дома на Денни-Хилле вырвалось кошмарное нечто, прорвалось сквозь город вплоть до централь-

ного делового района, оставляя за собой одни разрушения, и тем же манером вернулось обратно.

В показаниях сходятся лишь единицы; еще меньше найдется людей, которым повезло хотя бы мельком лицезреть Невероятный Костотрясный Бурильный Агрегат. Он пробуривал себе путь к подножию холма, вспарывая землю под особняками зажиточных мореходов и корабельных магнатов, под низким бережком, на котором раскинулись постройки лесопильни, и далее — вдоль коридоров и подвалов, подземных хранилищ универмагов, дамских галантерейных магазинов, аптек и... правильно, банков.

Здания четырех основных банков, выстроенные рядом, разрушились мгновенно, когда их фундаменты обратились в каменную крошку. Стены с грохотом рухнули. Полы вместе с лагами ушли вниз и сложились книжкой, возникшую пустоту частично заполнили обвалившиеся крыши. Между тем в этих четырех банках хранилось три миллиона долларов, а то и больше — капитал калифорнийских старателей, распродавших добытые самородки и устремившихся на север в поисках новых.

Погибли десятки невинных клиентов, задумавших в тот день пополнить или обналечить счета. Еще больше смертей было на улице: покосившиеся стены сотрясала дрожь, раствор в кладке не выдерживал — и каменные громады обрушивались на людей.

Горожане зывали о помощи, но откуда ей было прийти? Сама земля отверзалась и поглощала их на каждом шагу — повсюду, где Бурильный Аппарат проходил достаточно близко к поверхности. Улица буквально ходуном ходила, сотрясалась, словно коврик, из которого выбивали пыль. Она тяжело ворочалась, бугрилась волнами. И куда бы ни направлялась машина, в оставленных ею червоточинах громыhalo и обваливалось.

Назвать все это «происшествием» было бы сильным преуменьшением. Общее число погибших так и не удалось установить: одному небу известно, сколько трупов скрывалось под обломками. И увы, времени на спасательные работы не оставалось.

Едва только машина доктора Блю утихомирилась в подвале его дома, едва были утолены мольбы раненых, едва с уцелевших крыш зазвучали первые разгневанные возгласы,

как город захлестнула вторая волна ужаса. Жителям Сиэтла трудно было не связать эту напасть с предыдущей, но внятных резонов для подобных обвинений так и не прозвучало.

Теперь остается лишь перечислить голые факты; возможно, в будущем исследователи найдут более весомые объяснения, чем наши смутные догадки.

Достоверно известно следующее. После невиданной по масштабу разрушений катастрофы с Бурильным Агрегатом рабочих, трудившихся над разбором обломков разгромленных банковских кварталов, начала поражать некая болезнь. В конце концов — и на этом сходятся все источники — поиски ее источника привели к пробуренным машиной туннелям, точнее, к сочащемуся из них газу. Поначалу тот не имел ни запаха, ни цвета, однако со временем его концентрация достигла таких величин, что газ стал различим для человеческого глаза, вооруженного подцвеченной линзой.

Методом проб и ошибок были установлены некоторые свойства газа. При отравлении тяжелая, тягучая, неторопливо расползающаяся субстанция вызывала смерть, однако в большинстве случаев ее удавалось остановить либо изолировать при помощи простейших барьеров. Параллельно с эвакуацией по всему городу началось сооружение временных заграждений. Из палаток, раскроенных на части и обработанных смолой, устраивали импровизированные стены.

Один за другим рубежи обороны давали слабину, тысячи и тысячи жителей становились жертвами смертельной болезни, и назрела необходимость в более существенных мерах. Поспешно были разработаны и приняты соответствующие проекты, и менее чем через год после инцидента с Невероятным Костотрясным Бурильным Агрегатом доктора Блю бывший деловой центр был целиком обнесен могучей стеной из кирпича и камня.

В высоту стена достигает около двухсот футов, следуя прихотливому городскому рельефу, а средняя ее ширина колеблется в пределах пятнадцати-двадцати футов. Общая площадь пострадавших кварталов, огороженных стеной, составляет без малого две квадратные мили. Воистину чудо инженерии!

Однако за барьером город пришел в упадок и полностью вымер, если не считать крыс и ворон, которые там якобы расплодились. Газ по-прежнему сочится из земных недр

и губит все живое. Там, где когда-то бурлила активность, остался лишь город-призрак, по периметру которого селятся выжившие. Эти люди стали беженцами на родной земле, и хотя многие перебрались на север, в Ванкувер, или на юг, в Такому и Портленд, немало народу по-прежнему держится стены.

Обитают они на побережье и на склонах холмов, в широко раскинувшейся карикатуре на город, известной как Ок-раина; и вот там-то их жизнь началась заново.

WWW.FANLIT.RU

**Интернет магазин издательства
“Фантастика Книжный Клуб”
КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ЦЕНЕ!**

**КЛУБНЫЕ ИЗДАНИЯ
НОВОСТИ И ОБЗОРЫ
ПРЯМЫЕ ПРОДАЖИ ОТ ИЗДАТЕЛЯ**

Как сделать заказ:

Вариант №1

Заказ через интернет магазин издательства www.fanlit.ru При предоплате заказа доставка заказа получателю - бесплатна.

Вариант №2

Заказ наложенным платежом с помощью бланка заказа.

Впишите в бланк заказа выбранные книги (и забудьте указать код книги). Вложите бланк заказа в конверт с маркой и отправьте по адресу:

198260, г. Санкт-Петербург, а\я 94 ООО “Издательство Фантастика Книжный Клуб”

Цены в каталоге указаны без учета сервисного сбора а также стоимости доставки до региона получателя почтой России.

**Издательство
Фантастика
Книжный Клуб**

Отправить по адресу:
ООО “Издательство Фантастика Книжный Клуб”
Россия, Санкт-Петербург, а\я 94, 198260

Наименование

Укажите
код книги

_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
_____	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Ф.И.О. _____

Индекс _____ Город _____

Улица _____ Дом _____ Кв. _____

Я даю согласие на сбор, обработку и использование ООО «Издательство Фантастика Книжный Клуб» предоставленных мною персональных данных в маркетинговых целях.